

ВАСИЛЬЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии
Дальневосточного государственного университета,
Владивосток, Россия
e-mail: evasileva12@yandex.ru

Мотивация научной деятельности ученых Дальнего Востока в условиях вторичной институционализации отечественной науки

В статье на материалах Дальнего Востока предпринята попытка ретроспективного анализа мотивации научной деятельности в условиях вторичной институционализации отечественной науки. Обращение к теории мотивации Х. Хекхаузена позволило терминологически включить исследование проблемы в общую проблематику социального действия при одновременном сопряжении «особенностей ситуации» с «особенностями действующего субъекта».

Ключевые слова: мотив, мотивация, мотивационная ориентация, научная деятельность, научная интеллигенция, научная политика.

В науковедении исследование проблемы мотивации научной деятельности строится на общем определении мотива как ценностной диспозиции или предрасположенности, характерной для индивида, мотивации — как актуальной направленности на какую-то цель и мотивационной тенденции, для объяснения которой необходимо одновременно привлекать ситуативные и личностные факторы (Хекхаузен, 2003: 26, 28). При этом более тонкий анализ мотивации, требующий классификации мотивов, зачастую проводится без обращения к существующим теориям мотивации деятельности. Возможно, это связано с тем, что в этих последних, по признанию Х. Хекхаузена, из всего разнообразия мотивов в большей степени изучены мотивы достижения, власти и аффилиации. Возможно, за этим стоит «амбициозность науки и стремление выдать себя за самодостаточную систему познания» (Юревич, 2001: 53). В науковедении мотивы классифицируются при сохранении принятого их деления на внутренние и внешние, а мотивации — на сильную и слабую. Подобный подход явно ограничивает исследовательское поле мотивации, поскольку все внимание сосредоточено на внутренней мотивации, а внешняя, столь значимая для социологов, остается без внимания. При этом классификация внутренних мотивов оказывается наименее разработанной. К внутренним мотивам в самом общем виде отнесены мотивы, непосредственно порождаемые процессом научной деятельности в конкретном историческом аспекте и ориентирующие ученого на науку как процесс познания (Основы науковедения, 1985: 150). Их еще называют мотивами «научной ориентации» в противовес внешним мотивам — «ориентации на статус» (Пельц, Эндриус, 1973: 160). Признавая их разнообразие, в числе основных обычно называют мотивы, вызванные познавательным интересом личности ученого (это познавательные мотивы), а также мотивы, связанные с высокой силой «Я» («уверенность в своих собственных прежних идеях»), эмоциональной стабильностью,

сильной потребностью в независимости («стремление к свободе») и саморегуляции. При этом учитываются и личностные характеристики ученых (Основы науковедения, 1985: 149; Пельц, Эндриус, 1973: 154–156).

Операционализация некоторых из них достаточно затруднена. Прежде всего, речь идет о мотивах познания, которые раскрываются как потребность в познании окружающего мира и открытии нового: не просто решить вопрос о соотношении в его рамках мотива ориентации на новое и мотива сохранения предшествующих результатов научной мысли (Овчинников, 1990: 110). Оба эти мотива находятся в сложных взаимоотношениях и одновременно как будто противостоят мотивам уверенности в собственных прежних идеях. К тому же мотивы сохранения часто неотрафлексированы (они выявлены Овчинниковым путем анализа научных публикаций А. Пуанкаре, А. Эйнштейна, Н. Бора) в отличие от мотивов уверенности в собственных идеях и ориентации на открытие, выявленных в результате опроса ученых, явившегося их саморепрезентацией, в которой рефлексивный самоотчет и творческий процесс зачастую отождествляются (Арутюнов, Стрекова, 2003: 46–48; Овчинников, 1990: 110; Огурцов, 1990: 41).

Из перечисленных внутренних мотивов для социологов науки крайне значимы те, которые вызваны познавательным интересом, поскольку именно они в разных культурах порождают различные ответы общества, обусловленные степенью готовности признать право ученых на подобный вид деятельности.

Внешняя мотивация изучена более обстоятельно, и выделение индикаторов, с помощью которых ее можно измерить, особого труда не составляет. В целом она обозначена как слабая. К статусной ориентации относят стремление к продвижению по должностной лестнице, получению хорошего оклада, общению с высшими должностными лицами и некоторые другие индикаторы (Пельц, Эндриус, 1973: 162–164). Отечественные исследователи к ним добавили стремление к самоутверждению, выражаемое в терминах приоритета, славы, а также предложили делить внешнюю мотивацию на три подгруппы: ориентацию на то, чтобы приносить пользу, ориентацию на возможно полное раскрытие своих способностей и ориентацию на достижение внешне научных целей (Наливайко, 1985: 122; Основы науковедения, 1985: 150).

Попытка свести внешние и внутренние мотивы в общую классификацию проделана Т. З. Козловой, выделившей три группы мотивов научной деятельности: 1) мотивы деятельности, направленной на познание мира, отыскание истины; 2) мотивы деятельности, направленной на утверждение индивида и общества; 3) мотивы деятельности, направленной на удовлетворение материальных потребностей (Козлова, 1983: 21).

Мотив «стремление приносить общественную пользу» (у Т. З. Козловой он отнесен ко второй группе), выделенный отечественными исследователями в качестве внешнего, в работе Пельца и Эндриуса не упомянут. Но в общую классификацию мотивов у психологов он вошел, будучи обозначенным мотивом оказания помощи (Хекхаузен, 2003: 443). Его формулирование отечественными науковедами как значимого мотива научной деятельности позволяет полагать, что наши ученые в личностном плане и во второй половине XX века не приблизились к модели личности ученого, на полвека ранее сложившейся в Западной Европе, то есть модели, порожденной модернизацией, утвердившей «систему ценностей, в которой „массовым ощущением“, „второй религией“, „новой технологией общественного и человеческого успеха“» стал индивидуализм (Миронов, 2000: 304). Стало быть, внутренняя мотивация,

обозначенная науковедами как «стремление к свободе», к деятельности советской научной интеллигенции в качестве побудительной причины может быть отнесена с большой осторожностью. Но столь же категорично нельзя утверждать, что в качестве доминирующего мотива у нее служила ориентация на общественную пользу. Как представляется, можно лишь предполагать постоянный «дрейф» обоих видов мотивации, определенную несоотнесенность их между собой на разных исторических этапах и говорить о полимотивационном характере научной деятельности.

Методологическое значение выдвигания мотива пользы состоит в возможности выйти за интерналистские рамки и тем самым вывести проблему из круга чисто психологических, а также классифицировать мотивы научной деятельности в соответствии с теорией мотивации, учитывающей социальную обусловленность мотивов. Первое, с чем в этом случае сталкивается исследователь, состоит в признании того факта, что основное внимание науковеды уделяли мотиву достижения. Классическая операционализация данного мотива, позволяющая его рассматривать и как внутренний, и как внешний, принадлежит Г. А. Мюррею: «Справляться с чем-то трудным. Справляться с физическими объектами, людьми или идеями, манипулировать ими или организовывать их. Делать это настолько быстро и независимо, насколько возможно. Преодолевать препятствия и достигать высокого уровня. Превосходить самого себя. Соревноваться с другими и превосходить их. Увеличивать свое самоуважение благодаря успешному применению своих способностей» (цит. по: Хекхаузен, 2003: 367).

Но, как справедливо отметил Х. Хекхаузен, «мотив достижения, с точки зрения любого конкретного человека, всегда охватывает лишь небольшую часть» многообразия его действий и связанных с ними целей (Хекхаузен, 2003: 39). Данное замечание справедливо и в отношении научной деятельности. Так что обращение при изучении ее мотивации к классификации мотивов, данной какой-либо теорией, расширяет общее поле исследования мотивации, поскольку резкой границы между научной и любой другой познавательной деятельностью, а стало быть, и мотивацией не существует. Это убедительно продемонстрировал А. В. Юревич (Юревич, 2001: 90–136). Такой подход позволяет обнаружить те мотивы, руководившие учеными в их профессиональной деятельности, мимо которых прошли интерналистски ориентированные науковеды.

Наиболее оправданным в этом случае будет использовать классификацию мотивов на основе отношений личности и окружения, предложенную Г. А. Мюрреем. Это мотивы унижения, достижения, аффилиации, агрессии, независимости, противодействия, уважения, защиты, доминирования (впоследствии заменен на мотив власти), привлечения к себе внимания, избегания вреда, избегания неудач, покровительства, порядка, игры, неприятия, осмысления, сексуальных отношений, помощи, понимания (Хекхаузен, 2003: 128–129). Классификацию можно дополнить социально обусловленными мотивами агрессии и власти, операционализированными и изученными Х. Хекхаузенем.

В классификации Г. А. Мюррея не нашлось места мотивам познания (в социологии науки внутренний, сильный мотив), поскольку они недостаточно изучены. Но он их постулировал, хотя и не операционализировал. Так же он поступил и с другими слабоизученными мотивами: приобретения, избегания обвинений, созидания, разъяснения (обучения), признания и сохранения (бережливости). Возможно, в западноевропейской культуре недостаточно изученные мотивы никак не соотносятся

с научной деятельностью и поэтому обойдены вниманием науковедов. Обращаясь же к истории отечественной науки в условиях вторичной институционализации, такие мотивы необходимо иметь в виду и искать их возможную манифестацию.

Опора на данную классификацию мотивов позволяет включиться в общий процесс изучения мотивации и рассмотреть научную деятельность в ретроспекции. Именно это явилось целью статьи, предметом анализа в которой стала мотивация деятельности ученых Дальнего Востока в условиях вторичной институционализации отечественной науки.

Безусловно, ретроспективная диагностика мотива весьма затруднительна, поскольку основной метод — тестирование — здесь неприменим, а в документах многое может быть искажено или не отражено. Ситуация в них чаще всего воспроизводится лишь в общем виде, и только иногда можно получить дополнительную информацию, которая бы ее конкретизировала. Она чаще всего содержится в письмах, этом весьма субъективном источнике. Сложности связаны с выявлением и личностных факторов мотивации, а также с соотношением их с факторами ситуативными. Так что операционализировать многое в ретроспекции представляется невозможным.

Все же документы позволяют определить социально-демографические параметры научной интеллигенции для довоенного периода, при этом сохраняется методологическая значимость ее дифференциации на «старую», сложившуюся в дореволюционной России, и собственно советскую. Выявляются условия, в рамках которых протекала научная деятельность, а также структура научной интеллигенции, включающая организационный, исследовательский и трансляционный компоненты. Документы же, наряду с публикациями, демонстрируют результаты деятельности. Но в ретроспекции далеко не всегда понятно, что манифестирует подобный результат: не скрываются ли за этим действием полимотивационные побуждения, затрудняющие операционализацию внутренних мотивов и возможность их соотношения с внешними.

Сплетение внешних и внутренних мотивов деятельности отличало российскую интеллигенцию в целом, оставляя ее в начале XX века на позициях маргинального слоя, пытавшегося соединить обретенный профессионализм с национальным самосознанием. Для ученых оно выразилось в активной организационной деятельности, давшей свои результаты в предреволюционные годы и во время революции. Вместе с тем в работе отечественных ученых до революции мотивом, сопутствующим основным (познание, достижение и помощь), была аффилиация с преимущественной ориентацией на мировое научное сообщество, при весьма ослабленной ориентации на власть. В целом с позиций мотивации их деятельности данную профессиональную группу в то время можно было характеризовать как гомогенную.

Годы гражданской войны дифференцировали научную интеллигенцию, вызвав разные по своей направленности мотивационные тенденции. В центре страны, когда советское государство еще не вполне определилось с наукой, но организационно ее поддержало после непоправимых кадровых потерь, преобладали в детерминации к научной деятельности внутренние мотивы, подтверждением чему служит доминирующий интерес к теоретическим проблемам. Периферия же побуждала к занятиям наукой по причинам преимущественно внешним, ориентируя не столько на принесение пользы, сколько на мотивы избегания вреда, неудач, поиска покровительства. В условиях, когда все были поставлены на грань физического выживания, вряд ли могло быть иначе.

Но исторически вышло так, что на этой грани ученые, как и весь народ, балансировали и несколько последующих десятилетий. Тем не менее в условиях советской власти постепенно как в центре, так и на периферии мотив принесения пользы (по классификации Г. А. Мюррея он соотносится с одним из индикаторов достигательного мотива) стал ведущим в числе внешних мотивов научной деятельности. При этом познавательный интерес сам по себе вовсе не исключался, напротив, он поощрялся властью. Только вектор его менялся, требуя выхода за пределы науки, и менялся зачастую насильственно. В середине 1930-х и до середины 1950-х годов ориентация на «пользу», которая с подачи власти понималась сугубо утилитарно, в немалой степени поддерживала борцов с «чистой наукой», «академизмом», «наукой для науки» и той частью ученых, для которых основным мотивом был чисто познавательный интерес. Этот последний, представляя сильную мотивацию, приводит к наиболее высоким результатам деятельности, а наделенные им ученые принадлежат к числу наиболее продуктивных (Пельц, Эндрус, 1973: 164–167). Вывод о том, кто «вымывался» из отечественной науки в те годы, очевиден. Десятилетия спустя подобным образом понимаемая польза изрядно мешала развитию фундаментальной науки. Ориентация на пользу не исключала воздействия иных внешних мотивов, среди которых можно назвать мотивы избегания вреда и неудач, что проявлялось в выборе тематики и интерпретации полученных результатов. Сопряжение внешней и внутренней мотивации обрело весьма напряженный характер в ценностном отношении. Каждый ученый решал проблему индивидуально, в результате чего всегда хрупкая линейная зависимость между внешними условиями и мотивацией, мотивацией и действием нередко нарушалась.

Какова же была позиция научной интеллигенции Дальнего Востока? До революции она представляла особую группу. Ее весьма недавнее образование — каких-то неполных двадцать лет до 1917 года, если говорить о профессорско-преподавательском составе Восточного института, и два-три года, если иметь в виду ученых-аграриев и геологов, — выделяло ее из состава ученых России. Прежде всего потому, что в Восточном институте даже профессора не ориентировались на проведение научных изысканий, занимаясь репродукцией и трансляцией знания. Собственно, не для науки в 1899 году был создан Восточный институт, готовивший преимущественно военных переводчиков. Все попытки преобразовать его в университет до революции были подчинены задачам совершенствования учебного процесса, а не развития научной деятельности¹. И хотя таковая все же предполагалась — в Проекте положения о Восточном институте, разработанном его Конференцией в 1906 году, говорилось, что должности приват-доцентов могут занимать лица, «посвятившие себя научной деятельности» (История Дальневосточного государственного университета, 1999: 137), — ее реально поглотила учебная и организационная работа. За всю дореволюционную историю Института лишь и. д. профессора Н. И. Кохановский защитил диссертацию. Произошло это в мае 1916 года (История Дальневосточного государственного университета, 1999: 213).

Безусловно, одного факта защиты недостаточно, чтобы судить о мотивах, побудивших Н. И. Кохановского к работе над диссертацией, текст ее не сохранен. Но отзывы оппонентов позволяют сделать некоторые выводы хотя бы самого общего характера. Оба профессора Иркутского университета, П. Н. Лященко и Н. Я. Новомбергский, отметили «чрезмерное изобилие цитат других авторов... такое изобилие

¹ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 52. Оп. 10. Д. 1. Л. 1.

чужих мыслей, в которых совершенно потонули самостоятельные изыскания автора» (История Дальневосточного университета, 1999: 214). «Изобилие чужих мыслей» могло манифестировать и мотив сохранения результатов предшествующей научной мысли, и мотивы аффилиации, защиты, избегания неудач, одновременно внутреннего и внешнего характера. В самостоятельности суждений автору отказать нельзя: только в недавнее время на смену установившемуся термину — «политическая экономия» пришел термин «экономика», на введении которого настаивал диссертант, и против чего дружно возражали оппоненты.

Так или иначе, нет оснований отрицать полимотивационную ориентацию исследователя. Единичность же этого факта говорит о том, что внешние условия для местной научно-педагогической интеллигенции до революции не стали фактором, побуждающим их к исследовательской деятельности, а сами они оказались лишены побуждений к научной работе. Что касается крайне малочисленных групп ученых иных научных сфер, то в деятельности аграриев преобладал познавательный мотив внутренней направленности, ибо работники Амурской и Приморской сельхозстанций были полностью поглощены изучением того, что растет на Дальнем Востоке, как и почему, не особенно задумываясь над реальной помощью местным селекционерам, но внимательно изучая их опыт. О сплетении же внутренних и внешних мотивов с доминированием внутренних можно говорить и применительно к группе специалистов-геологов во главе с Э. Э. Анерттом, до революции работавших в Приморье и на Сахалине по заданию Геолкома. Обе эти группы объединял мотив аффилиации с ориентацией на российское научное сообщество, поскольку они, будучи посланниками научных учреждений центра страны, своей деятельностью неразрывно были связаны с ними и полагали себя их частью.

Последующие десятилетия, как известно, в России отличались особой событийностью, в значительной степени корректирующей мотивационные ориентации научной интеллигенции, меняя их целевой вектор и тем самым дифференцируя ее. Миграционные потоки, вызванные Гражданской войной и поглотившие все социальные слои, в немалой степени захватили и ученых, скопление которых преимущественно на окраинах страны приводило, как это ни парадоксально, к возрождению научной деятельности. Не избежал этого скопления и Дальний Восток, а точнее — Приморье.

Прежде всего, в Приморье появилось больше специалистов, которыми руководила внутренняя мотивация. Ученый-флорист Евгения Николаевна Алисова, не успев обосноваться в Никольске-Уссурийском, писала своему другу и учителю академику В. Л. Комарову 28 декабря 1917 года: «Вы знаете, Владимир Леонтьевич, что я не знакома с флорой Приморской области, но теперь, благодаря представившимся обстоятельствам, я постараюсь хоть немного узнать и понять ее»¹. В следующем письме (30 января 1918 г.) она сообщала о том, что занялась преподаванием в местной учительской семинарии: «взялась за это, чтобы иметь возможность удержаться здесь и поработать летом, так как и ехала-то я сюда для этого...»² Однако познавательный мотив был не единственным, заставившим Алисову покинуть Петербург и появиться в Приморье. Научная самоотверженность сочеталась с ощущением неизбежной гибели, вызванным революцией, что позволяет характеризовать внешнюю мотивацию

¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 6.

² Там же. Л. 11 об.

как сильную: «Вот я и решила рискнуть остаться здесь. Все равно где погибать. Так лучше уж здесь, где так много нового и интересного».

Мотив страха перед действительностью вполне четко определил Мак-Дауголл: «бегство и затаивание в ответ на травмирующие, причиняющие боль и страдание и угрожающие этим воздействия»; Мюррей назвал его мотивом «избегания вреда»; Р. Кеттелл — «мотивационной диспозицией с соответствующей целью безопасности и эмоцией страха», а Х. Хекхаузен связал его со страхом «перед последствиями властей» (Хекхаузен, 2003: 125, 129, 586). Если у Алисовой он не стал доминирующим, то чувство обреченности и страха руководило действиями большинства беженцев. Специалисты, многие из которых в прошлом были связаны с наукой или высшей школой, а в Приморье влились в состав научно-педагогической интеллигенции, были в их числе.

Исследовательскую работу продолжили сотрудники Академии наук (а их, включая Е. Н. Алисову, было всего четверо, среди них впоследствии известный антрополог С. М. Широкогоров) и некоторая часть профессуры Владивостокского государственного политехнического института (ВГПИ) и университета. Мотивационные ориентации при этом различались. Познавательная мотивация внутренней направленности руководила преимущественно гуманитариями и биологами: они, помимо преподавания, продолжали начатое в центре, публикуя свои труды и, как правило, осознавая, что они в данный момент общественностью востребованы не будут. Для естествоиспытателей, по сути, зародивших новые для края научные направления, обращение к исследованиям или продолжение их во многом обусловили поиски выхода из финансово-материальных затруднений личного плана. То есть достигательная мотивация ориентировалась преимущественно на эту составляющую статусного набора и была связана с мотивом избегания трудностей.

Вот что по этому поводу писал профессор химии Б. П. Пентегов в 1933 году: «Ввиду того что учебные занятия в Институте фактически не шли, а в то же время во Владивостоке не было ни химической библиотеки, ни лаборатории, где бы можно было вести научную работу, то в конце 1920 года я, по моей просьбе, получил от Института заграничную командировку с расходом за свой счет и выехал в январе 1921 года в Японию вместе с ехавшим также в командировку профессором Веймарном... Я ему помогал при проведении <...> докладов в Токийском университете, знакомился с химической научной литературой, подготовлял свои курсы. <...> Кроме того, с целью заработка я организовал химическую лабораторию <...> в Йокогаме...»¹ Его коллега профессор В. П. Вологдин свои исследования в области дуговой электросварки, за неимением возможности делать это в рамках ВГПИ, проводил на базе местного судоремзавода, находясь при этом в его штате. Так что исследовательскую деятельность определенной части ученых Приморья в первые годы Гражданской войны стоит рассматривать как полимотивационную, выделяя мотивы познавательного, достигательного характера, помощи, избегания вреда и неудач. В этом комплексе доминировали мотивы достижения и познания, которые, согласно теории Х. Хекхаузена, правомерно одновременно отнести и к внутренним, и к внешним.

Большая часть научно-педагогической интеллигенции Приморья по-прежнему исследовательской деятельности предпочитала трансляционную, носившую тоже полимотивационный характер. Отечественными исследователями данные мотивы

¹ ГАПК. Ф. 1588. Б/о. Д. П-31167. Т. 2. Л. 226–227.

в целом отнесены к мотивам долженствования, мотивам заинтересованности и увлеченности преподаваемым предметом и мотивам увлеченности общением с детьми (Ильин, 2002: 279). Применяв классификацию Г. Мюррея, получаем мотивы достижения, аффилиации, покровительства, разьяснения (обучения), а также мотив оказания помощи.

Практически каждый из указанных мотивов можно обнаружить при ретроспективном анализе трансляционной деятельности профессорско-преподавательского состава вузов Владивостока: университета, преобразованного из Восточного института, (ГДУ); Педагогического института и ВГПИ. Как и в исследовательской деятельности, названные мотивы в годы Гражданской войны преимущественно имели не внутренний, а внешний характер. Это объясняет, почему профессура кроме постоянного стремления совершенствовать учебный процесс была готова максимально обеспечить его за счет собственных средств, а также помочь «недостаточным студентам» и настойчиво напоминать общественности о неразрывности связей с «великой русской культурой» (Дальневосточный государственный университет, 1999: 13–31, 42–56).

Мотивы подобного рода, прежде всего, были присущи профессиональным педагогам. Трансляционная деятельность тех, кто обратился к преподаванию в высшей школе только в Приморье (а ими оказались преимущественно не нашедшие работы инженерно-технические кадры), была мотивирована достигательно, с преобладанием в кругу данных мотивов того, что связано с преодолением трудностей. На деятельность же всей научно-педагогической интеллигенции Приморья тех лет помимо указанных воздействовал и такой внешний мотив из числа мотивов достижения, как ориентация, по крайней мере, на две составляющие статусного набора: должностной престиж и уровень дохода. С этих позиций вполне объяснима протестная реакция преподавательского состава университета на приказ Приморской областной земской управы (тогдашнего правительства Дальнего Востока) от 3 июня 1920 года о понижении некоторых преподавателей в должностях вопреки решению Совета университета, определившего многих коллег на более высокие должности, чем те, которые они занимали в прежних учреждениях¹.

Слабая ориентация на исследовательскую деятельность весьма невыгодно отличала большую часть местной научно-педагогической интеллигенции от коллег Центральной России в 1918–1921 годы, поскольку для российского, как и для мирового научного сообщества, трансляционная деятельность совмещалась с исследовательской все еще в рамках высшей школы. Но в начале 1922 года многие специалисты-беженцы, адаптировавшись, попытались вернуться к ней. Е. Н. Алисова писала В. Л. Комарову 18 февраля 1922 года: «Несмотря на всю разруху кусочек людей, собравшихся в Уссурийском крае, решили, невзирая на все трудности и препятствия, продолжать дело изучения Уссурийского края, и вот <...> организуется „Первый съезд по изучению Уссурийского края“»².

Не оставляет сомнения, что среди ряда мотивов учредителей Съезда и его участников доминировал мотив познания. Один из компонентов данного мотива — ориентация на сохранение результатов собственной научной мысли и мысли предшественников, поскольку все намеревались продолжить начатое до пребывания на

¹ ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 3. Л. 13–14.

² АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 14.

Дальний Восток, но использовать при этом местный материал (Автономов, 1922: 4). Из внешних мотивов явно обозначилось аффилиация, выраженная в стремлении восстановить связь с научными центрами России, от которых они оказались на длительное время оторванными. Кроме того, учеными руководил мотив помощи (желание помочь в организации «самостоятельной исследовательской деятельности на Дальнем Востоке», выяснить возможности и способы «сохранения или наиболее рационального использования добытых результатов») и обучения («забота о распространении естественноисторических знаний») (Автономов, 1922: 4). Какие бы то ни было соображения карьеры или иной выгоды у учредителей съезда и его участников отсутствовали: для их удовлетворения просто не было условий. Съезд собрался незадолго до установления в Приморье советской власти.

Полимотивационный характер научной деятельности ученых Дальнего Востока дореволюционного периода и периода Гражданской войны при всех трудностях не исключал линейной зависимости между мотивацией и действием, чего нельзя сказать о советском периоде, когда зависимость подобного рода нередко прерывалась. Подобное явление встречается часто, и оно хорошо описано в теориях мотивации. В данном случае речь идет о сложном характере знаковой стороны действия, о неоднозначном характере его манифестации, в одном случае скрывающем, а в другом обнажающем эти расхождения. Все это подтверждается дальневосточным материалом.

Первые год-два в организационном хаосе, сопровождавшем установление советской власти на всем Дальнем Востоке, существование ряда научных учреждений оказалось под угрозой. В этих условиях вновь возобладала внешняя мотивация: к научной деятельности во всех ее видах побуждали мотивы сохранения статуса, избегания вреда и мотив зависимости. Очевидным было стремление ученых-специалистов доказать новой власти свою профессиональную пользу, продемонстрировать свою лояльность: один из внешних вариантов достижительных мотивов. Не случайно исследовательская и трансляционная деятельность уступила место организационной. В то же время стремление к исследованиям у части из них сохранялось. Познавательная мотивация в данном случае поддерживалась аффилиацией при вновь обретенной принадлежности к российскому научному сообществу.

Власть же, еще не приступив к научному освоению Дальнего Востока, но действуя в чисто политических интересах, охотно откликнулась на предлагаемое сотрудничество, тем самым стимулируя мотив оказания помощи, в результате чего непосредственные научные интересы большинства ученых оказались подчинены преимущественно утилитарным задачам, меняя вектор познавательной мотивации с внутреннего на внешний. Это, в частности, доказывает проект Положения о созданном в 1923 году при ГДУ Краевом НИИ. Непосредственные интересы науки там упоминались лишь в прикладном аспекте: причиной организации КНИИ явились почти неизученные природные богатства Дальнего Востока и отсутствие планомерного и рационального их использования¹. Не будет ошибкой полагать в качестве побудительной причины предполагаемого исследовательского процесса, кроме мотива познания, мотивы достижения — внутренние и внешние — и, очевидно, мотив созидания.

Среди ученых, следовавших преимущественно мотивам познания с вектором научной (внутренней) ориентации, необходимо назвать ряд профессоров ГДУ. Поскольку к вузовской науке государственная власть, в том числе и местная, тогда

¹ ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 17. Л. 142.

интереса не проявляла, основной мотив работников высшей школы, обратившихся к исследованиям или продолжавших их, несомненно, имел внутренний характер. Эту часть представляла естественнонаучная и техническая интеллигенция. Внутренняя мотивация обусловила их интерес к проблемам теоретического характера: в ГДУ проф. В. П. Вологдиным в те годы создавалась теория дуговой сварки, проф. В. А. Туранским велись астрономические наблюдения, проф. С. А. Даниловым изучались проблемы сопротивления материалов.

Гуманитарная интеллигенция, за исключением востоковедов, в целом так и не включившихся в собственно научную работу, в 1920-е годы действовала, сообразуясь со стремлением выжить в условиях, когда их дисциплины оказались под угрозой закрытия, а их пребывание в Университете — под вопросом. Мотивы защиты, поиска помощи и статуса заставили историков В. И. Огородникова и З. Н. Матвеева полностью сменить свои научные темы, а филолога проф. А. П. Георгиевского, оставив историю литературы, обратиться к изучению культуры местного населения и его диалектов.

Внутренняя мотивация по-прежнему руководила селекционерами Амурской и Приморской опытных станций, частично — сотрудниками Дальгеолкома и сотрудниками Ботанического кабинета Е. Н. Алисовой. О практическом применении своих исследований они если и думали, то не в первую очередь. Такое бескорыстное служение науке не позволяло им принять иные позиции. Так, Е. Н. Алисова писала акад. В. Л. Комарову в январе 1923 года: «Сегодня мне приходится принимать ботаническую работу у своего помощника И. К. Шишкина, <...> которому предоставлялись все возможности продолжать работу по изучению края и который теперь в такой трудный момент не нашел для себя возможности терпеть с нами вместе все лишения (правда, они тяжелые!), а предпочел заняться вымогательством из нас денег! Я могу смириться со многими дефектами человека, но только не этими, когда деньги для человека дороже его идеи»¹. Сама Евгения Николаевна за несколько лет воспитала «себе наследников бескомпромиссных и идейных, способных принять на себя нашу работу...»².

Но оставаться только на позициях чистой науки удавалось далеко не всем. Год спустя известнейший исследователь Приамурского края В. К. Арсеньев признавался Комарову: «Мои лучшие работы будут впереди. Чувствую уверенность в своих силах и мог бы работать с увлечением, но не хватает времени, большая часть которого уходит на добывание средств к жизни. Нет уверенности в завтрашнем дне, и опасение быть выброшенным на улицу без объяснения причин заставляют мыслить совсем в другом направлении. Для нашей работы нужна спокойная обстановка. Мы никогда не были капиталистами и не имели дворцов, наоборот, мы всегда были бессребрениками»³. Арсеньев не случайно говорит «мы», поскольку в этом он был не одинок.

Иными словами, полимотивационная ориентация, представленная одновременно группой мотивов внутренней и внешней направленности, у местных ученых сохранялась и в 1920-е годы при том, что мотив познания ученых ранга Арсеньева и Алисовой не ослабевал, но нередко менял свой вектор. Подобная смена, хотя и носила принудительный характер, пока не приводила к ролевому конфликту, так как

¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 16.

² Там же. Л. 16-об.

³ Там же. Д. 264. Л. 5-об.

из внешних мотивов по-прежнему доминировал мотив оказания помощи (принесения пользы), а из достижительных внешних — не создание карьеры, а преодоление трудностей. При этом по-прежнему зависимость между мотивацией и деятельностью носила линейный характер. Это убедительно доказывают материалы Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока 1926 года, с подробными комментариями к ходу обсуждения каждого доклада (Производительные силы Дальнего Востока).

К разряду специалистов с внешним вектором познавательной мотивации в те годы принадлежала ангажированная властью и составлявшая большинство на Дальнем Востоке старая научная интеллигенция: ихтиологи И. И. Кузнецов, А. Н. Державин, Г. У. Линдберг, М. Л. Пятаков, И. Ф. Правдин, А. И. Амброз, ученые-агроarii П. М. Писцов, Л. Ю. Людевиг, П. И. Колосков, геологи А. Н. Криштофович, П. И. Полевой. А. Н. Державин, несколько лет возглавлявший Тихоокеанскую промышленную станцию (ТОНС) в будущем Тихоокеанский институт рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), так комментировал свой приезд, на который согласился после долгих раздумий: «Решив отправиться на Дальний Восток, я имел в виду посвятить свою жизнь созданию морского исследовательского института, которым можно было гордиться перед лицом своей страны»¹.

Что касается большей части научно-педагогической интеллигенции (профессорско-преподавательского состава ГДУ), то в 1920-е годы она по-прежнему была связана с трансляционной работой. И по-прежнему внешние мотивы руководили ею не в меньшей степени, чем внутренние. Из внешних достижительных стали выделяться статусно-должностные, что вполне объяснимо с позиций кадровой политики государства в области высшей школы. Мотив преодоления трудностей преимущественно материального характера тоже оказывался в числе значимых в связи с непростым положением профессуры. Обширный материал, подтверждающий это, содержится в сохранившихся протоколах заседаний местного отдела СНР. Но более показательны выступления дальневосточников на всесоюзных съездах научных работников.

Второй съезд состоялся в феврале 1927 года, когда при активном участии ЦК СНР, затратившего немало сил для облегчения достаточно тяжелого положения работников науки и высшей школы страны, формировалась кадровая составляющая научной политики. На съезде подводились итоги проделанного, в том числе обсуждался вопрос о прошедшей переквалификации профессорско-преподавательского состава вузов и сотрудников НИУ. В качестве основного и, конечно, ведущего критерия центральная экспертная комиссия поставила число публикаций и их объем. По данному показателю научные работники Дальнего Востока, все без исключения, не отвечали предъявляемым требованиям. Половина из них из-за отсутствия научных публикаций вообще не была включена ни в одну из групп. Остальных причислили к категориям, явно не соответствующим их личным притязаниям². На съезде делегат Владивостокского отделения А. П. Бекеев предложил повысить категорию своим коллегам, для чего, по его мнению, стоило всего лишь к научной работе приравнять научно-методическую³. Что он при этом имел в виду, докладчик не пояснил, а специальная графа публикаций учебно-методической литературы в опросных листах,

¹ ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-87608. Т. 1. Л. 19.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5462. Оп. 9. Д. 292. Л. 39.

³ Там же. Д. 255. Л. 97.

на основании которых ученым-специалистам присваивалась категория, почти у всех работников ГДУ оказалась пустой¹. В выступлении А. П. Бекеева были обозначены и иные мотивы трансляционной деятельности: аффилиации и зависимости. Командировки, благодаря которым можно было преодолеть оторванность дальневосточников от центра и на предоставлении которых настаивал докладчик, нужны были, по его мнению, для обретения «точных ориентиров, точных указаний по общественной линии», с тем чтобы «еще более интенсивно осуществлять те задачи, которые правильно определило Центральное бюро и Центральный совет»².

Проблема денег и отдаленности осталась центральной и двумя годами позже в речи проф. ГДУ В. Л. Погодина на Третьем съезде СНР, хотя там обсуждался вопрос уже не о положении ученых, а о научной деятельности, и в частности — о необходимости приблизить науку к производству³. Однако В. Л. Погодин о работе (преимущественно учебной) заговорил, лишь оказавшись на трибуне в третий раз⁴.

Сам же съезд проходил в преддверье «года великого перелома», по сути завершившего огосударствление науки, был полностью пронизан новыми настроениями. Уже заострялось внимание на политической дифференциации ученых страны, но еще не упоминалось о вредительстве в научной сфере и о необходимости борьбы с «чистой наукой», как это будет на Четвертом съезде в 1931 году⁵.

Но и десятилетие после года «великого перелома» мало что изменило в мотивации исследовательской и трансляционной деятельности старых специалистов. Те, что ориентировались одновременно на науку и принесение пользы стране, чувствуя свою невостребованность в крае, на рубеже 1920–1930-х годов покинули его. Из оставшихся почти все были репрессированы (Васильева, 1997). Те же, кому удалось этого избежать, сохранили научную, а не статусную ориентацию независимо от внешних обстоятельств, как селекционер Амурской опытной станции В. А. Золотницкий. Но иногда делали это втайне даже от научного руководства, как чуть ли не единственный в те годы на Дальнем Востоке специалист по рептилиям А. А. Емельянов. В начале июня 1939 года он писал акад. В. Л. Комарову: «С прошлого года, под сурдинку, вне плана, т. к. начальство (имеется в виду руководство Дальневосточного филиала АН СССР/ДВФАН — Васильева) относится к этому неодобрительно, я начал изучать биологию реликтового безлегочного тритона, представляющего с моей точки зрения, большой теоретический интерес...»⁶. В том и другом случае линейная зависимость между мотивацией и действием сохранялась, что трудно утверждать в отношении их преемников, то есть молодежи, пришедшей в науку в конце 1920-х — 1930-е годы.

Научная молодежь, конечно, во многом унаследовала отношение к науке своих учителей. Но отношение это было практически всегда дифференцировано, а внешние условия резко менялись. Их создавала общая внутренняя политика, сводившая советское общество к разряду тоталитарных, утилитаристская направленность научной политики, милитаризованный характер экономической политики и мобилизационный — кадровой. Все это, выступая в качестве внешнего источника мотивации

¹ ГАПК. Ф. 117. Оп. 4. Д. 4. Л. 27-об.

² ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 9. Д. 255. Л. 99.

³ Там же. Оп. 11. Д. 266. Л. 29.

⁴ Там же. Д. 266. Л. 46–48, 265–366 ; Д. 267. Л. 10–12.

⁵ Там же. Д. 266. Л. 14–17.

⁶ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 599. Л. 6.

научной деятельности, должно было сдерживать внутреннюю мотивацию научной направленности и поощрять статусную, но, конечно, действовало избирательно, будучи опосредовано личностью ученого, и в этом случае создавало ситуации, не позволяющие мотивам соотноситься с деятельностью. Дифференциация научной интеллигенции, теперь уже советской, по мотивационному основанию усиливалась.

Внутренняя мотивация руководила, прежде всего, молодыми учеными, сформировавшимися в научных центрах страны и направленными на Дальний Восток. Среди химиков — работники ДВФАН В. Мохнач и П. Тихомолов, сотрудники ТОНС/ТИНРО Е. Курнаев, Ю. Ментов. Хотя они являлись учеными советской формации, им была совсем не свойственна ориентация на принесение какой бы то ни было утилитарной пользы. Кроме познавательного, ими руководил и достижительный мотив, но тоже внутреннего характера. Так, ученик чл.-корр. РАН В. В. Челинцева М. Тиличенко, через много лет вспоминая о своих первых шагах в науке, говорил, что в молодости был одержим идеей совершить открытие (Архив автора¹). Местная научная молодежь, а она входила в науку начиная с 1930-х годов, в этом отношении была не столь гомогенна.

Внутренняя познавательная мотивация доминировала в исследовательской деятельности выпускников Политехникума О. Максимова и М. Белопольского, попавших в ТИНРО под влияние Курнаева, а в ДВФАН — Мохнача. Удалось собрать вокруг себя несколько молодых людей и воспитать их в духе служения науке Е. Н. Алисовой. Некоторые из них не имели высшего образования, и все легло на плечи Евгении Николаевны. Сама она сообщала об этом В. Л. Комарову в мае 1928 года так: «... мы с ребятами организовали кружок „молодых исследователей Уссурийского края“, где они учились реферировать и излагать свои наблюдения, кружок существовал два года. В результате я научила их читать книги, интересоваться литературой и излагать мысли. <...> в результате получились идейные ребятки с жадной знаний»².

В кругу большей части молодой научной интеллигенции середины 1930-х годов ориентация исключительно на интересы науки была не слишком популярна, следовать ей и отстаивать это право становилось все труднее. Мало помогало и создание ДВФАН, куда составной частью вошел Кабинет. Образование академического подразделения на Дальнем Востоке вовсе не стимулировало научно ориентированную познавательную мотивацию его работников. Но при этом не стимулировала внешнюю достижительную и принадлежность к отраслевой науке. Все, действительно, решалось индивидуально, в очередной раз подтверждая сделанные психологами выводы о чрезвычайной сложности этого феномена и о достаточно опосредованном влиянии ситуаций. «Как аспект ценности, так и аспект ожидания определяются не одними лишь особенностями ситуации, но и особенностями действующего субъекта», — отмечал Х. Хеккузен, говоря о силе мотивационной тенденции и добавив к этому еще одну причину поведения: взаимодействие личности и ситуации (Хекхаузен, 2003: 28–31).

Именно «особенностями действующего субъекта» в совокупности с ситуацией во многом объясняется доминирование внутренних или внешних мотивов деятельности ученых Дальнего Востока советской формации в период вторичной

¹ Магнитофонная запись интервью с д-ром хим. наук, проф. М. Н. Тиличенко. 1 нояб. 1990 г.

² АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 89.

институционализации отечественной науки. Но необходимость оговорить это специально возникла в середине 1930-х годов с активизацией в СССР научной политики, стимулировавшей внешнюю достигательную мотивацию введением статусных приоритетов: ученых степеней и званий. Ориентируясь на них, ученые стали руководствоваться не столько мотивом оказания помощи, сколько — достижения карьеры. Тот же М. Н. Тиличенко признавался, что у него идея совершить открытие достаточно быстро сменилась желанием защитить диссертацию (Архив автора). Однако у ряда дальневосточных ученых желание, обретя научную степень, повысить свой статус («сделать карьеру») теснейшим образом сопрягался с мотивом страха и избегания неудач, вызванным внутрисполитической ситуацией. Поводом для выводов подобного рода служит, по терминологии А. Щюца, «биографический фон» многих из тех, кто претендовал на получение ученой степени кандидата наук без защиты диссертации. Ими, действительно, были наиболее «продуктивные» ученые Дальнего Востока: В. О. Мохнач, П. И. Тихомолов, И. Н. Савич, Б. В. Витгефт, А. А. Емельянов, В. А. Золотницкий и другие. Но муж Ирины Николаевны Савич был арестован и сослан. Павел Матвеевич Писцов сам в начале тридцатых отбыл трехлетний срок, привлекаясь по делу А. В. Чайнова. Всеволод Александрович Золотницкий был мишенью для крайне резких обвинений со стороны лысенкоистов первой волны. Им постоянно давали понять, что они находятся под неусыпным контролем властей. Присужденная ученая степень, как тогда казалось, могла послужить своего рода защитой от возможных репрессий. В связи с этим кажется совсем не случайной просьба П. М. Писцова. В августе 1935 года этот один из опытных агробиологов края писал Н. И. Вавилову: «Николай Иванович, я передал в комиссию все, что нужно для ученой степени. Прошу подтолкнуть вопрос о кандидатской степени»¹. Ученая степень, полученная Писцовым, как и агробиологом Савич, не без участия Н. И. Вавилова, не спасла их от последующего ареста, как не спасла никого из вышеназванных ученых.

Любое обвинение, предъявленное государством в адрес либо науки в целом, либо отдельного ученого, неизменно носит характер политического и усиливает воздействие внешних мотивов, в числе которых в этом случае доминируют мотивы избегания вреда и мотивы «страха перед последствиями действия властей» (Хекхаузен). Подобного воздействия не избежали и дальневосточные ученые. Одним из обвинений в середине 1930-х годов стало обвинение в «академизме», служению «чистой науке», в «преклонении перед Западом», по сути, пресекающее внутреннюю познавательную мотивацию. Обвинение в «приверженности к академизму» было в числе первых из предъявленных репрессированным в 1936/37 годах ученым ТИНРО, ДВФАН. В период кампании против акад. Н. Н. Лузина и «лузинщины» человек независимого склада ума, одареннейший ученый В. О. Мохнач вынужден был отказаться от публикаций своих работ за границей и сменить фундаментальные исследования на прикладную тематику (Васильева, 2000). И в этом он был далеко не одинок. Со страниц «Вестника ДВФАН», почти единственного тогда на Дальнем Востоке печатного органа научных работников, начиная с середины 1936 года, постепенно исчезают статьи фундаментального характера, уступая место прикладной тематике, а среди авторов начинают преобладать работники отраслевой науки. «Уровень и качество публикаций

¹ Центральный государственный архив научно-технической документации (ЦГАНТИ). Ф. 318. Оп. 1. Д. 864. Л. 18-об.

снижается, они решают близлежащие задачи, мельчают, академический журнал начинает терять свое лицо», — отмечает исследователь (Засельский, 1990: 152–153).

Но необходимость учитывать в качестве мотивирующего фактора взаимодействие личности и ситуации выдвинута Хекхаузенем не случайно. Даже в этих условиях мотив познания, в окончательном истреблении которого власти, собственно, заинтересованы не были, изменил свой целевой вектор не у всех дальневосточных ученых. Естественно, никто из этих немногих не бросился публично отстаивать самодостаточность исследовательской деятельности. Но когда эти единицы оказались перед выбором, то действовали, сообразуясь с интересами науки, а не пользы.

В середине 1930-х годов репрессивные органы для подтверждения виновности арестованных ученых привлекали оставшихся на свободе их коллег, которые с этих позиций должны были дать оценку научной деятельности находившихся под следствием, оформив ее соответствующим актом. Тем самым их, деморализуя, но не позволяя сомневаться в своих действиях, делали участниками репрессий. Межролевой конфликт, если и возникал, разрешался, как правило, путем регулирования, и репрессивные органы получали желаемое. Как в этом случае расценивать единичные случаи положительной оценки научных трудов арестованных коллег? А именно таким образом поступили сотрудники ДВФАН П. А. Тихомолов и Университета — М. Н. Тиличенко, официально признав несомненную научную значимость исследований фундаментального характера арестованных в 1936 году коллег из ТИНРО¹. Архивный материал и последующее интервью с М. Н. Тиличенко не позволяют охарактеризовать его позицию лишь как проявление высокого уровня нравственности, но дают возможность связать ее с профессионализмом, детерминированным сильной мотивацией. Тем более что несколько месяцев спустя М. Н. Тиличенко на собрании Университета подобным же образом защищал В. О. Мохнача, не испытывая к нему личной симпатии, но признавая за ним явный талант ученого². Кстати сказать, и в исследовательской деятельности они принадлежали к немногим продолжавшим фундаментальные исследования.

Иные мотивы руководили группой ученых ДВФАН, составивших аналогичный акт 7 мая 1938 года. Обвинительная часть, начиная с первого пункта, строилась на доказательстве приверженности арестованных к «чистой науке»: «1. Преступное планирование научно-исследовательской тематики, направленное на отказ от актуальных производственно-важных тем и замена их второстепенными, якобы глубоко-теоретическими темами. <...> 5. Саботаж в установлении связей с производственными организациями Края. <...> 8. Зажим популяризации научных достижений и всемерное извращение научно-исследовательской работы в Крае путем издания ненужных статей, задержки изданий практически важных и научно-популярных работ»³.

Ориентация на утилитаристски понимаемую пользу была не единственным мотивом, руководившим авторами. Оценка научной деятельности репрессированного руководства филиалом демонстрирует достигательные мотивы статусного характера, а также мотив агрессии и власти, проявиться которым ранее не представлялось

¹ ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-23118. Т. 3. Л. 52–56.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 289. Оп. 1. Д. 491. Л. 129–130; Архив автора.

³ ГАПК. Ф. 1588. Б/о. Д. П-32229. Л. 120–121.

случая: «2. Применялись все меры для зажима местных дальневосточных кадров. В геолсекторе травили коммунистов Зубова и Тебенькова . <...> Знаток геологии Края Воларович был принужден к уходу из ДВФАН. В Химическом институте были приняты все меры, чтобы не росли молодые научные кадры (Репа, Ходорченко) <...> Кабанову удалось защитить диссертацию только после вмешательства президента Академии наук акад. В. Л. Комарова, и лишь в 1937 году. 3. Вредителями была сорвана работа по утверждению степеней и званий для дальневосточников... 4. Вся руководящая работа была поручена приглашаемым из центра... прием дальневосточников тормозился. <...> 7. Всем „центровикам“ и „своим людям“, которые не делали полезной работы, устанавливались высшие ставки для вызова недовольства у научных работников».

Данным мотивам авторы следовали не только при написании акта: им удалось возглавить основные отделы филиала и в корне изменить научную тематику, полностью соотнеся ее с прикладными задачами. Не будет большой натяжкой полагать, что из внешних мотивов в действиях тех, кто подчинился спирали молчания, преобладал мотив страха перед последствиями действия власти (в этом многие из них признавались десятилетия спустя на процессе реабилитации осужденных коллег). Мимо сознания ученых не прошли ни участие в митингах с требованием казни политических противников Сталина, ни репрессии коллег, ни обскурантизм. Собственно познавательная и внутренняя достижительная мотивация при этом ослабевала, поскольку уровень притязаний многих снижался, что нередко происходит в условиях возможных негативных последствий деятельности (Бибрих, Орлов, 2007: 139). Тем не менее возможны были и более сложные модели поведения, мотивированные одновременно чуть ли не взаимоисключающими в содержательном отношении мотивами. К сожалению, документы предоставляют немного подобного материала.

В данном случае речь пойдет об одном из ученых, упоминаемых в акте, — Е. Н. Кабанове. Хотя его имя стоит в числе подписавших, участия в подготовке данного документа он не принимал. А несколько месяцев спустя, редактируя очередной том Известий ДВФАН, отказался исключить из него работу арестованного А. Саверкина, на чем настаивал ученый секретарь филиала Н. Сидоришин. Но, отказавшись, Кабанов не взял ответственности и на себя, сославшись на необходимость согласовать это с акад. В. Л. Комаровым¹. В иных ситуациях он рассуждал вполне в духе времени, заявив, например, на заседании месткома весной 1939 года, уже после произведенных арестов: «За своевольную установку заработной платы пойдут под суд и администрация, и Местный комитет»².

Собственно политический фактор был не единственным внешним фактором, мотивирующим научную деятельность дальневосточных ученых в 1920–1930-е годы. Их отношение к науке детерминировала и социальная ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке, — в целом крайне неблагоприятная для проживания. Материальный фактор оставался сильнейшим. В конце 1930-х, например, он заставил ученых добиваться возвращения дальневосточных коэффициентов, когда в 1938 году наука была выведена из сферы местной системы финансирования³.

¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 675. Л. 9.

² РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 9. Л. 35.

³ Там же. Д. 10. Л. 2–3.

В не меньшей мере влияла и собственно научная политика центральной и местной власти, не считавшей необходимостью улучшение условий, в которых проходила научная деятельность и из-за которых не раз возникало решение местной власти закрыть то или другое научное учреждение края — Дальневосточный филиал, Университет, Дальневосточный институт земледелия и животноводства. Если проблема с заработной платой лишь будоражила научных работников, активизируя мотивы достижения статуса и избегания вреда, то постоянная реорганизация научных учреждений, бесчисленные слухи о возможности закрытия помимо репрессий ослабляли как внутреннюю, так и внешнюю мотивацию, а некоторых приводили к полной деморализации, вызванной неопределенностью положения.

Такое состояние в 1930-е годы стало хроническим. 14 июня 1931 года Е. Н. Алисова, немало выдержавшая ради сохранения Кабинета ботаники, писала акад. В. Л. Комарову: «Мне так тяжело от творящегося вокруг <...> что я даже мечтаю об этом (о грозящем наводнении. — *Е. Васильева*). Пусть стихия возьмет то, что не оценивается людьми, и я почувствую себя свободной от тяжелой ноши нашего учреждения, которую приходится нести на плечах... Сейчас я думаю только об одном — уйти скорей, уйти, чтобы не видеть ничего творящегося вокруг, найти покой!»¹.

Доводившее до отчаяния состояние неопределенности, в котором научная интеллигенция Дальнего Востока пребывала в 1930-е годы, заставляла обращаться к Комарову и тех, кто не состоял с ним в частных, как Е. Н. Алисова, отношениях. Так, гидробиолог Филиала А. Т. Булдовский в октябре 1936 года в связи с намерениями Далькрайкома писал: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич. Вы, вероятно, уже знаете о предложении Краевых органов ДВК закрыть наш Филиал. Это для нас такой удар, что пересказать трудно. Столько лет работали не за страх, а за совесть, столько собрали ценнейшего материала, так оборудовали на средства Академии наши лаборатории — и все это пошло прахом. Не могу похвалиться хорошим настроением: жаль работы, жаль собранного материала. Мне его хочется, очень хочется доработать — много интересных данных получено, но сделать это в условиях ДВК, вероятно, не придется»².

Тремя годами позже ситуация возобновилась, и реакция уже совсем молодых научных сотрудников, пополнивших филиал после репрессий, была аналогичной. Она описана А. А. Емельяновым накануне закрытия филиала в 1939 году: «Над нами сгустились тучи. Первый удар — это сокращение штата по всем секторам. <...> Второй удар — закрытие всего зоологического сектора полностью. В Филиале царит полное смятение, непонимание того, что делается, совершенная неуверенность в завтрашнем дне. Руководство говорит полусловами, намеками, что-то скрывает, избегает встречаться с сотрудниками... Все это создало крайнее напряжение и тяжелое состояние у сотрудников всего Филиала»³.

Если учесть, что какая-то часть сотрудников филиала, отраслевых научных учреждений и университета продолжала исследовательскую работу, то есть основания полагать, что для них накануне войны линейная зависимость между социополитическими условиями и мотивацией существенно ослабла, но усилилась между мотивацией и действием. В условиях последовавшей за массовым террором

¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 291. Л. 138–139.

² Там же. Д. 361. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 599. Л. 5–5 об.

краткой передышки, сопровождавшейся закрытием или реорганизацией научных учреждений, когда от местных ученых уже никто ничего не требовал и не ожидал, доминирующей мотивационной ориентацией в их деятельности становился познавательный интерес. Он позволил им не прервать исследования при осознании не востребоваемости и самостоятельно определяться с научной тематикой. В своей работе эти ученые стали открыто ориентироваться на науку, особенно в тех все еще малочисленных диссертационных исследованиях, когда темы предлагались руководителями из центра. Но это продолжалось недолго, поскольку исходить исключительно из собственных научных интересов в условиях начавшейся войны оказалось весьма проблематично.

В последние годы войны и послевоенное десятилетие внешние условия политического характера вновь оказались в числе значимых факторов влияния на мотивационную ориентацию дальневосточных ученых. Все они сфокусировались в рамках научной политики, которая в эти годы завоевывала собственную нишу. Эффективности в кадровом отношении по-прежнему добивались, стимулируя внешнюю достижительную мотивацию научной деятельности статусного характера. В качестве показателя уровня профессионализма все чаще выступали формальные маркеры, основным из которых была научная степень. Ее получение пытались поставить в более тесную, чем до войны, зависимость от других компонентов научной политики: идеологического и выбора научных приоритетов. Для успешного статусного продвижения в первом случае необходимо было поддержать обскурантизм, а во втором — все так же ориентироваться на утилитарно понимаемое значение науки. Таким образом, мотивация научной деятельности вновь вызвала сопряжение «особенностей ситуации» с «особенностями действующего субъекта», в который раз дифференцирую дальневосточных ученых.

Лишь единицы откликнулись на требование повышать свою квалификацию: к подготовке диссертаций во всех секторах науки обратились немногие. Не слишком они ориентировались и на принесение пользы. В конце 1944 года заместитель директора вновь организованной в Приморье базы АН СССР Н. И. Жиликов анализировал исследовательскую работу следующим образом: «Отчеты научных сотрудников составлены по трафарету: каждый год повторяют одно и то же, новые термины среди старого материала. Учет внедрения результатов в производство составлен неудовлетворительно». Количество публикаций при этом оставалось крайне низким¹. Вот это выражение «новые термины среди старого материала» дает основание полагать, что шло углубленное осмысление предмета исследования, что оказалось возможным в результате временного ослабления идеологического прессинга.

Но на освоение «новых терминов» ученых толкал, несомненно, внутренний познавательный мотив, хотя открыто манифестировать свою исключительную ориентацию на науку, как и в 1930-е годы, никто не решался. О ней можно судить только на основе косвенных данных, вроде того, о чем заявил Жиликов, или свидетельств, одновременно служащих доказательством дифференциации мотивационных ориентаций дальневосточных ученых. В этом плане весьма показательны одно из отчетных заседаний ученого совета Дальневосточной базы АН СССР, проходившее 16–18 октября 1946 года. Споры возникли вокруг позиции двух орнитологов (К. А. Воробьева и В. А. Конакова), не пожелавших в отчетах представить конечные

¹ Архив Дальневосточного отделения РАН (А ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 4.

результаты исследований в расчете на их публикацию. Оценка этого решения выглядела следующим образом: «Академия наук вправе требовать от работников отчеты о своих работах» (Баландин); «Тысячи учреждений ежегодно пишут отчеты, и никто не думает, что кто-то украдет выводы и оригинальные данные» (Чудаков); «В свете последнего выступления Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“ требования дирекции о поднятии качества отчетов правильно. За полученную нами зарплату необходимо всегда по своей работе давать отчеты» (Колесников). К ним присоединился ботаник Д. П. Воробьев: «Наблюдаются случаи, когда научные сотрудники преследуют личные цели перед интересами учреждения, государства, что совершенно неправильно и вредно». Итог подвел парторг Базы Е. П. Ожигов: «Прения развернулись по принципиальной линии и, несомненно, принесут пользу нашей работе. Вскрылись две стороны — работать на себя, по старинке, не думать об интересах общества и государства и работать для науки, общества, государства, отдавая этому все силы и знания»¹.

Не оставляет сомнения, что действия Воробьева и Конакова были полимотивированы: достигательная мотивация носила внешний статусный характер, ориентированный на признание значимости работы со стороны коллег, но при этом не исключена и внутренняя направленность научной ориентации. Их оппоненты в своем единодушии вроде бы демонстрировали ориентацию на принесение пользы и выполнение долга. Однако обращает на себя внимание тот факт, что при этом они, как и старая научная интеллигенция, отождествляли пользу для общества и пользу для государства с пользой для науки, заставляя предполагать, что их чисто познавательные интересы тоже не оказались полностью, по выражению психологов, «отодвинутыми в сторону или прерванными тенденциями» (Хекзаузен, 2003: 50).

Об этом говорит и то, что критика не велась с позиций уже заявлявшей о себе новой волны обскурантизма. А когда он развернулся в полную силу в конце 1940-х — начале 1950-х годов, то в среде научных работников Дальнего Востока нашлось немало ученых, продолжавших искать и находить ориентиры в мировой науке. В 1949 году их приверженность мировой науке манифестировали частые ссылки в публикациях на имена зарубежных коллег без оглядки на обвинения «в преклонении перед Западом» или «космополитизме». В Дальневосточном филиале это биологи А. И. Куренцов и Д. П. Воробьев, химик К. И. Карасев; в ТИНРО — А. Г. Кагановский, П. А. Моисеев, А. И. Румянцев, А. П. Введенский; в Дальневосточном НИИ земледелия и животноводства — Е. А. Гамаюнова². После вынесенного райкомом и горкомом партии выговора подобные ссылки со страниц сборников исчезли, но сохранялись в лекциях, причем не только сотрудников НИИ, но и многих преподавателей вузов³.

Мотивы научной ориентации, то есть внутренние познавательные, не только сохранялись в деятельности сложившихся ученых, они наследовались научной молодежью. Так, в 1950 году аспирантка Биологического отдела ДВФАН Тарина высоко оценила книгу американского биолога Ж. Леба «Регенерация», вызвав критику одних (за «раболепие перед иностранщиной») и поддержку других⁴. В эти же годы обскурантизма ориентация подобного рода не позволяла ученым филиала и вузов

¹ А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6-б. Л. 38—38 об.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 82. Л. 174 ; Д. 88. Л. 118 ; Ф. П-368. Оп. 1. Д. 14. Л. 40.

³ Там же. Д. 150. Л. 103 ; Ф. 52. Оп. 9. Д. 21. Л. 85.

⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 21. Л. 153.

пропагандировать решения августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, учение Лысенко и достижения советской науки в целом¹. А группа биологов филиала, пользуясь слабой компетентностью партийных органов, открыто занялась проблемами цитологии — науки, запрещенной в СССР, как и генетика, после сессии ВАСХНИЛ².

Сама же кампания по обсуждению августовской сессии и ее решений внутри научного сообщества Дальнего Востока проходила довольно вяло. Она коснулась преимущественно работников академической и отраслевой науки Приморья, объединившихся с этой целью на одно единственное заседание, подтвердив уже отмеченную дифференциацию мотивов их исследовательской деятельности. Несмотря на соблюдавшуюся ритуальность и обнаружение «врагов мичуринской биологии», которые, надо сказать, до августа и не скрывали своего отношения к Лысенко, доказывая его научную несостоятельность, кампания в Приморье не обрела той остроты, с какой она проходила в центре страны, где научные дискуссии были переведены, по удачному выражению В. Дудинцева, в «политическую плоскость», за чем последовали массовые увольнения и аресты. Ничего подобного в научной среде Приморья и Дальнего Востока не наблюдалось.

В то время как руководство Академии наук СССР, АМН и АПН «распространило мичуринскую кампанию далеко за пределы генетики и даже биологии... для утверждения своего собственного контроля над научной политикой» (Кременцов, 2003: 887, 892), научная интеллигенция Дальнего Востока, включая ее элиту, была весьма далека от этого, поскольку централизация управления наукой достигла своего апогея и ученые на местах были лишены возможности влиять на научную политику. Сдерживало установление личных контактов с представителями власти также инструментально неопределенное положение науки во всем регионе и ее невостребованность.

Так что ответ на политические вызовы во всех остальных научных учреждениях Дальнего Востока явился своеобразным ритуалом, лишенным семантической нагруженности: собрания были лишены каких бы то ни было обличений коллег и сводились к формальным заверениям в верности «мичуринской биологии», характерно, что не учению акад. Т. Д. Лысенко. Таким образом, августовские баталии на Дальнем Востоке манифестировали отсутствие в научной деятельности мотива власти, неявно выраженный мотив аффилиации и несомненный — страха за последствия действий власти. Все это было реакцией на внешние вызовы, что не исключало мотивационных ориентаций достижения и познания как внешней, так и внутренней направленности. И, как ни странно, не противоречило им. Так что нельзя категорично утверждать, что внутренняя мотивация руководила противниками Лысенко, а внешняя — его сторонниками. Все было сложнее.

Сторонники (или, во всяком случае, репрезентирующие себя в данной роли), настаивая на необходимости «крупной перестройки научного мировоззрения», не касались познавательного процесса, а связывали ее лишь с «повышением идейного уровня». Сколь ни искренни были их попытки интериоризировать это требование, сделав его внутренним мотивом своей деятельности, оно по отношению к исследованию всегда оставалось внешним, вызванным «особенностью ситуации». Поэтому многие из них в исследовательской деятельности уходили от обращения к теории

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 150. Л. 103.

² Архив автора. Беседа со старшим научным сотрудником Горнотаежной станции ДВО РАН Е. Г. Лебедевой от 12 марта 1989 г.

вообще, ограничиваясь простым описанием изучаемого явления. Уже десятилетия спустя их преемники назовут этот период истории науки на Дальнем Востоке «великой инвентаризацией».

Малочисленные противники же ориентировались на научную теорию, что дает основания полагать в их деятельности доминантой внутреннюю мотивацию, а из мотивов доминирующими считать мотивы познания и достижения, признавая в данном случае условность границ между ними¹. Вот как через десятки лет об этом говорил участник всех дискуссий ученый-лесовод В. А. Розенберг:

«[в продолжение разговора] *Васильева*: А как же все постановления, которые вышли после васхнилловской сессии?

Розенберг: Да, нет, они нас очень мало беспокоили.

Васильева: Не думали об этом?

Розенберг: Да, очень мало беспокоили. Какое мне было дело до этих постановлений на берегах Тихого океана. У меня была своя тематика, свои задачи. Кроме того, у меня в голове была всегда своя сверхзадача. Я думаю, что такая сверхзадача была у людей, которых я близко знаю, с которыми я сталкивался, с которыми съел не один сухарь»².

Это не мешало им, по их собственному признанию, интерпретируя результаты своих исследований, приделывать им «мичуринские хвосты».

Последующие десятилетия практически ничего не добавили к характеристике мотивации научной деятельности ученых-дальневосточников, так что можно обобщить сказанное. Выявленное разнообразие мотивов говорит в пользу полимотивационного ее характера на всем протяжении этапа вторичной институционализации отечественной науки. «Особенности ситуаций», нарушавшие линейную зависимость между мотивацией и деятельностью, большей частью были опосредованы «особенностями действующего субъекта», дифференцируя ученых по мотивационному основанию, а некоторых из них заставляя вольно или невольно манифестировать мотивы научной деятельности в непривычной для науки форме. В ретроспекции четко определить доминирование какого-либо из мотивов не удастся, можно говорить лишь о тенденциях. В данном случае есть основания отметить тенденцию к доминированию двух из них. По классификации Мюррея, это мотивы достижения и познания как внутренней, так и внешней направленности.

Литература

Автономов Н. П. Первый съезд по изучению Уссурийского края в естественноисторическом отношении (из записной книжки участника съезда). Харбин : т-во «Озо», 1922.

Арутюнов В. С., Стрекова Л. Н. Социологические основы научной деятельности. М. : Наука, 2003. 299 с.

Бибрих Р. Р., Орлов А. Б. Мотивация и целеобразование в поведении с закономерным и случайным исходом // Человек в ситуации неопределенности. М. : ТЕИС, 2007. С. 133–153.

Васильева Е. В. Репрессированные ученые и Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы : мат-лы Первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 106–116.

¹ АДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 248.

² Архив автора. Запись беседы с В. А. Розенбергом. 22 янв. 1991 г.

- Васильева Е. В.* Синий йод и его создатель // Вестник ДВО РАН. 2000. № 1. С. 114–130.
- Засельский В. И.* «Вестник» образца 1932–1939 гг. // Вестник ДВО РАН. 1990. № 2. С. 150–153.
- Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 512 с.
- История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток : Изд-во Дальневост.ун-та, 1999. 628 с.
- Козлова Т. З.* Возрастные группы в научном коллективе. М. : Наука, 1983. 87 с.
- Кременцов Н. Л.* Советская наука и холодная война // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / под ред. Э. И. Колчинского. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 830–907.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 2. 568 с.
- Наливайко Н. В.* Социальные основы и гносеологическая природа научной деятельности. Новосибирск : Наука, 1985. 175 с.
- Овчинников Н. Ф.* Историко-научный и методологический подходы к анализу творчества // Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества / отв. ред. В. В. Давыдов. М. : Наука, 1990. С. 106–116.
- Огурцов А. П.* Междисциплинарные исследования творчества: итоги, поиски, перспективы // Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества / отв. ред. В. В. Давыдов. М. : Наука, 1990. С. 23–43.
- Основы науковедения / под ред. Н. Стефанова [и др.]. М. : Наука, 1985. 431 с.
- Пельц Д., Эндриус Ф.* Ученые в организациях. М. : Прогресс, 1973. 471 с.
- Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск : Книжное дело. Вып. 1. 1926. 106 с. ; Вып. 2. 1927. 304 с. ; Вып. 3. 440 с. ; Вып. 4. 596 с. ; Вып. 5. 192 с. ; Вып. 6. 260 с. ; Вып. 7. 168 с.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб. : Питер ; М. : Смысл, 2003. 860 с.
- Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. 352 с.

Far Eastern Scientists' Motivation for Research Work under Reinstitutionalization of National Science

ELENA V. VASILJEVA

PhD in History, Associate Professor,
Department of Sociology,
Far Eastern State University
Vladivostok, Russia
e-mail: evasileva12@yandex.ru

The paper presents the retrospective analysis of motivation for research work under reinstitutionalization of national science; the study is undertaken on the basis of Far Eastern materials. Application of H. Heckhausen's theory of motivation allowed bringing the investigation terminologically under the general problematics of social action and simultaneously matching "peculiarities of situation" with "peculiarities of actor".

Keywords: motive, motivation, motivational orientation, scientific work, clerisy, science policy.